Комментарий № 41
23 февраля 2020

Собираются ли США возвращаться в Восточную Европу, и что это значит для Беларуси?

Евгений Прейгерман

Резюме

В последнее время в белорусском медийном пространстве часто звучит тезис о том, что США возвращаются в регион Восточной Европы. То есть якобы изменяют линию администрации Барака Обамы, которая сконцентрировала внимание американской внешней политики на Азиатско-Тихоокеанском регионе и исключила Восточную Европу из приоритетного списка.

Собираются ли США возвращаться?

Вывод о возвращении США в Восточную Европу делается, по-видимому, не только в контексте усилившейся в последние месяцы нормализации белорусско-американских отношений. Но и с учетом принятой в 2017 году Стратегии национальной безопасности США, которая назвала Китай и Россию стратегическими конкурентами Вашингтона. А это, по идее, должно бы подразумевать большую активность США во всех регионах, где так или иначе их интересы пересекаются с двумя конкурентами. В том числе в Восточной Европе, тем более после присоединения Крыма к России и на фоне продолжающегося конфликта на Донбассе.

Однако в самой Стратегии национальной безопасности Восточная Европа упоминается лишь однажды и только как пример успешной политики США в прошлом (и имеются ввиду страны Центральной и Восточной Европы, ставшие членами НАТО и ЕС). А о настоящих и будущих приоритетах Вашингтона в регионе в документе ничего на сказано. При этом сформулированное бывшим помощником Госсекретаря Уэссом Митчеллом в октябре 2018

года видение стратегии США в Центральной и Восточной Европе действительно исходит из того, что в регионе «геополитическая конкуренция чувствуется остро», и предлагает принципы для региональной политики США в таких условиях.

Но говорит ли это видение о действительно масштабном возвращении Вашингтона в регион? Или тем более о его готовности вести стратегическую конкуренцию в Восточной Европе по заветам Мистера Х (то есть Джорджа Кеннана) времен Холодной войны: «с неизменным противодействием в каждой точке, где [стратегические конкуренты] проявляют признаки посягательства на интересы мирного и стабильного мира»?

На оба вопроса можно дать, скорее, отрицательный ответ. И это несмотря на несколько возросшее в последние годы участие войск США в контингентах НАТО в регионе, американские системы ПРО в Польше и Румынии, а также военную помощь Вашингтона Украине, Польше и странам Балтии.

Сегодня речь идет, скорее, о процессе осмысления возможной роли Восточной Европы для США в контексте стратегического противостояния с Китаем и, в меньшей степени, с Россией. При этом Вашингтон действительно декларирует готовность активизироваться дипломатически и экономически для «конкуренции за позитивное влияние» и даже для «агрессивного продвижения национального интереса».

> Однако в средне- и долгосрочной перспективе Восточная Европа, судя по всему, будет значимым, но далеко не приоритетным регионом для США.

А значит, Вашингтон будет стараться здесь присутствовать, но его поведение будет преимущественно реактивным, а не стратегически запрограммированным, как в самом приоритетном Азиатско-Тихоокеанском (Индо-Тихоокеанском) регионе.

Во-первых, чисто арифметический анализ потенциалов Китая и России не оставляет сомнений по поводу того, кто из них главный стратегический конкурент США. А с кем рано или поздно Вашингтону будет важно находить хотя бы какие-то точки соприкосновения, чтобы балансировать влияние главного стратегического конкурента (то есть Китая). Поэтому частично активность США в Восточной Европе будет направлена на создание в будущем лучших переговорных позиций в отношениях с Россией, а не на бескомпромиссное противостояние с Москвой.

Во-вторых, в Восточной Европе конкуренция США и с Китаем, и с Россией будет опосредована и размыта разнонаправленной политикой европейских государств и всего ЕС (в каком бы виде он ни существовал в будущем). Это, с одной стороны, будет создавать Вашингтону дополнительные проблемы. Так как нужно будет искать непростой баланс между собственной вовлеченностью в европейские дела и опасностью быть использованными отдельными европейскими государствами. Например, в области безопасности, где некоторые члены НАТО и ЕС традиционно опираются на военную мощь США для защиты своих интересов. С другой стороны, это сделает для США возможным отдавать какие-то региональные вопросы «на откуп» европейским столицам и, соответственно, снижать свое собственное присутствие.

В-третьих, происходящая перед нашими глазами трансформация системы международных отношений характеризуется снижением относительной глобальной мощи США и все большим приближением Китая к паритетным параметрам. Хотя до паритета еще далеко, и его достижение может занять очень много времени, а может и вовсе не состояться. Но в таких условиях США во все большей степени будут вынуждены концентрировать свои внимание, усилия и ресурсы на ключевых приоритетах. То есть на тех регионах, где выше цена потери собственного влияния и где лучше возможности угрожать жизненным интересам главного конкурента. В противном случае США столкнутся с давно описанной в теории международных отношений проблемой перенапряжения (overstretching).

При этом, конечно же, США будут вовлекаться в конкуренцию и не в самых приоритетных регионах. И чем более активным в Восточной Европе будет Китай, тем важнее регион будет выглядеть из Вашингтона. Это, к слову, относится и ко всему европейскому континенту. США не могут не обращать внимания на то, что с 2008 по 2016 годы прямые инвестиции Китая в ЕС увеличились почти в 50 раз: с 840 млн долларов США до 42 млрд долларов США [1]. Этим во многом и обусловлены страсти по поводу участия китайских компаний в развитии сетей 5G в европейских странах. Тем более, что здесь речь не только о чисто геополитической, но и технологической конкуренции, где само плотное взаимодействие европейских компаний с китайскими может дать Пекину преимущества, выходящие за рамки традиционных сфер влияния.

При этом в Восточной Европе экономическая активность Китая проявляется, в первую очередь, не в росте прямых инвестиций, а в развитии инфраструктурных проектов. Инвестиционно здесь пока доминирует Россия. Насколько такой расклад воспринимается в Вашингтоне как реальная угроза геополитическим

интересам США – большой вопрос. Сегодня об этом сложно судить. Показательно, что вскоре после недавнего восточноевропейского и центральноазиатского турне Майкла Помпео Государственный департамент обнародовал Стратегию США в Центральной Азии на 2019-2025 годы, которая вышла под лозунгом «укрепляя суверенитет и экономическое процветание». Эти же лозунги используются в отношении стран Восточной Европы, однако перспективы их практического воплощения гораздо менее понятны, чем в Центральной Азии.

Что это значит для Беларуси?

Процесс трансформации системы международных отношений открывает перед Минском новые возможности. Восточная Европа все больше будет характеризоваться присутствием нескольких ключевых акторов разного геополитического калибра, между которыми множество взаимных противоречий и одновременно пересекающихся интересов. Перспективы Беларуси в вырисовывающихся геополитических раскладах будут зависеть в том числе от способности быстро ориентироваться в происходящих изменениях и не переоценивать значение отдельных событий и процессов. Таких как, например, улучшение двусторонних отношений с Вашингтоном. Однако и недооценка этого процесса была бы неправильной.

> По мере дальнейшей нормализации взаимодействия Минска и Вашингтона у США в регионе появляется принципиально новый тип отношений. Раньше таковых было фактически два: отношения с Россией и отношения с государствами, воспринимающими Россию как главную угрозу своей безопасности. Беларусь представляет условный третий тип.

Она одновременно заинтересована в существенной диверсификации своей зависимости от России и в сохранении максимально близких отношений с Москвой. Более того, в интересах Минска снизить региональный градус геополитической напряженности между США и Россией, так как при гипотетическом переходе напряженности в «красную зону» Беларусь с большой вероятностью станет первой жертвой.

С пониманием этого связаны многочисленные мирные и объединительные инициативы, которые в последние годы активно выдвигает Минск. Этим же (то есть собственным жизненным интересом) обусловлен и стабилизирующий

потенциал Беларуси в региональной безопасности. И по мере дальнейшей адаптации США в регионе этот потенциал может стать все более востребованным как в Вашингтоне, так и в некоторых других столицах. Например, именно на это указывает быстрая и конструктивная американская реакция на критику со стороны Минска по поводу размещения вблизи белорусской границы воинского контингента США, прибывшего в Литву на учения НАТО «Защитник Европы-2020».

---

[1] При этом доля китайских ПИИ в Европе пока несопоставима с американскими (последние почти в 20 раз выше), из-за чего динамика роста капиталовложений из КНР выглядит менее драматичной.

Публикация подготовлена при поддержке белорусского офиса Фонда им. Конрада Аденауэра (Германия). Ее содержание отражает исключительно мнение автора.

Евгений Прейгерман
директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»